

Свидетельство с места преступления: новые подходы к изучению Холокоста в Беларуси¹

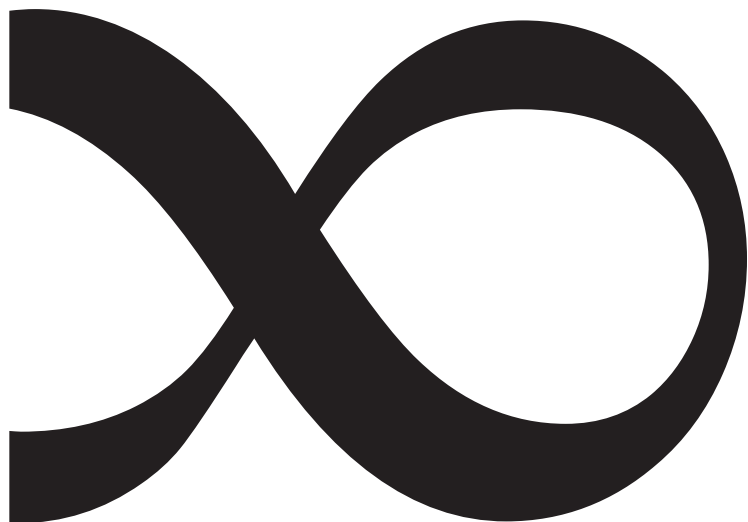
АНИКА
ВАЛЬКЕ

Что значит свидетельствовать о Холокосте на территории современной Беларуси? Вопрос можно считать как риторическим, так и буквальным – в зависимости от того, на какой части этого предложения делается акцент. Понятию *свидетельствования о Холокосте* посвящена обширная литература, создававшаяся на протяжении нескольких десятилетий. Между тем *Беларусь* лишь недавно обрела статус одного из центральных мест уничтожения европейского еврейства. Обсуждение свидетельствования о Холокосте *там* предполагает несколько иной взгляд на проблему, поскольку в предшествующий период исследования, посвященные свидетельствованиям, в большинстве случаев основывались на видеодокументах или воспоминаниях, собранных и записанных

Аника Вальке (р. 1977) – историк, доцент Университета Вашингтона в Сент-Луисе (США).

- 1** Я выражаю признательность Ханне Поллин-Галэй, Дэвиду Шнееру, Энн Ноулз, Дэну Миллеру, Эрин Макглотлин и двум анонимным рецензентам за их проникательные и конструктивные комментарии к черновой версии этой статьи. Я также благодарю участников конференции «Сравнительные объективы: видеосвидетельства выживших и очевидцев геноцида и массового насилия» (Париж, 2019) и конференции ASEES-2019 (Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. – *Примеч. перев.*) за их ценные наводящие вопросы. Я также выражаю благодарность Патрису Бенсимуону, тогдашнему директору исследо-

CASE
STUDY

вне советских территорий, оккупированных Германией в годы Второй мировой войны².

Что же в таком случае означает свидетельствовать об убийстве евреев на территории современной Беларуси? Дело в том, что здесь массовое уничтожение еврейских общин происходило не в лагерях, расположенных вдали от мест проживания евреев, а внутри или вблизи их родных селений. По этой причине массовые захоронения находились либо внутри, либо вблизи почти каждой деревни или городка, а местные жители становились очевидцами, а порой пособниками или даже выгодополучателями этих массовых убийств. Такая особенность хода и результатов Холокоста в бывшей черте оседлости заставляют нас признать особое пространственное измерение массовых убийств и их последствий, а также того, как можно о них свидетельствовать. Данное обстоятельство вызвало к жизни целый ряд новых исследовательских методик, включая создание аудиовизуальных документов – таких, как видеосвидетельства *in situ*³. Однако продолжение усилий в этом направлении требует новых инструментов анализа, о чем и пойдет речь в данной статье.

Видеосвидетельства уже давно стали основным материалом для изучения истории и памяти Холокоста. Такие документальные коллекции, как Видеоархив свидетельств о Холокосте «Fortunoff» при Йельском университете, Архив устной истории Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне (USHMM) и с некоторых пор Архив визуальной истории (VNA), учрежденный Фондом Шоа университета Южной Калифорнии, активно используются учеными, занимающимися различными аспектами этой темы. Однако большинство этих исследований посвящены Холокосту в том виде, в каком он был пережит прежде всего западноевропейскими и центральноевропейскими – немецкими и польскими – евреями: рост преследований и сегрегации на родине, депортация в гетто или концентрационные лагеря и лагеря уничтожения, выживание в условиях принудительно-

вательского центра «Яхад-ин Унум» (ивр. и лат. «Вместе в одном». – *Примеч. перев.*), Екатерине Дузенко и Михаилу Чояку (сегодняшнему директору этого исследовательского центра), которые помогли мне получить доступ к необработанным кадрам интервью, проведенных «Яхад-ин Унум», в то время как Анна Шаренда подготовила стенограммы нескольких интервью, что позволило мне лучше понять местные диалекты.

- 2 Важными исключениями являются следующие работы, авторы которых исследуют формы свидетельствования о нацистском геноциде в Советском Союзе на основе анализа литературы, поэзии, кино и фотографии: SHNEER D. *Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust*. Newark: Rutgers University Press, 2010; MURAV H. *Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia*. Stanford: Stanford University Press, 2011 (особенно главы 4 и 5); HICKS J. *First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of Jews, 1938–1946*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012; GERSHENSON O. *The Phantom Holocaust: Soviet Cinema and Jewish Catastrophe*. Newark: Rutgers University Press, 2013; SHRAYER M.D. *I Saw It: Ilya Selvinsky and the Legacy of Bearing Witness to the Shoah*. Brookline: Academic Studies Press, 2013; SHNEER D. *Grief: The Biography of a Holocaust Photograph*. New York: Oxford University Press, 2020.
- 3 *In situ* (лат.) – на своем месте, в месте нахождения. – *Примеч. перев.*

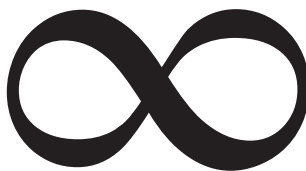
го труда и постоянная угроза смерти в лагере или в укрытии. С распадом Советского Союза в 1991 году и расширением возможностей для ученых общаться с теми выжившими, которые оставались за так называемым «железным занавесом», в лекции стало поступать все больше повествований, посвященных убийству евреев на оккупированных немцами землях СССР. В этих интервью рассказывается о стремительной оккупации территорий современных Литвы, Латвии, Эстонии, Беларуси, Украины и Молдовы и последующих массовых расстрелах (совершенных *айнзацгруппами* и их пособниками), которые унесли жизни от 2 до 2,2 миллионов евреев, что составляет примерно 40% еврейских жертв в целом. Это чуть меньше 2,5 миллионов евреев, погибших в лагерях на территории Польши⁴. Следует особо отметить работу Архива визуальной истории (VNA), благодаря которой наши представления об истории этого геноцида расширились в непредставимой ранее степени: привлекая интервьюеров из упомянутых стран, VNA предоставил возможность выжившим в Холокосте и оставшимся в СССР после окончания Второй мировой войны свидетельствовать о пережитом геноциде, признание которого со стороны ученых и общественности до сих пор носило лишь рамочный характер⁵.

В ходе этой работы ученые и общественность пришли к выводу, что тысячи мест массовых расправ (с числом убитых более десяти) на оккупированных немцами территориях Советского Союза, стран Балтии, Польши и некоторых частей Югославии находятся буквально повсюду, но при этом остаются невидимыми для стороннего наблюдателя⁶. Хотя о фактах убийства

АНИКА ВАЛЬКЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

- 4 Ронл Д. *Historiography and Nazi Killing Sites // Killing Sites: Research and Remembrance*. Berlin: Metropol Verlag + IHRA, 2015. P. 37; см. также: *Онлайн выставка Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне (USHMM) «Холокост: что могут рассказать пули»* (www.ushmm.org/information/exhibitions/online-exhibitions/special-focus/desbois).
- 5 Наряду с этими интервью исследователи использовали ранее недоступные документы из недавно открытых архивов. Это позволило им, помимо прочего, более полно и всесторонне осветить проблемы геттоизации, массовых убийств, принудительного труда, партизанского движения и сопротивления и, таким образом, пересмотреть общепринятое понимание Холокоста, утягивая разнообразие опыта различных европейских стран. См. подборку, посвященную Беларуси и прилегающим регионам: GERLACH С. *Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland, 1941–1944*. Hamburg, 1999; Смиловицкий Л. *Катастрофа Евреев в Беларуси 1941–1944*. Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000; LOWER W. *Nazi Empire-Building and Holocaust in Ukraine*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005; EPSTEIN B. *The Minsk Ghettos 1941–1943: Jewish Resistance and Soviet Internationalism*. Berkeley: University of California Press, 2008; ARAD Y. *In the Shadow of the Red Banner: Soviet Jews in War against Nazi Germany*. Jerusalem: Gefen, 2010; ИДЕМ. *The Holocaust in the Soviet Union*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2013; DIECKMANN С. *Deutsche Besatzungspolitik in Litauen 1941–1944*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011; DAVID-Fox M., HOLQUIST P., MARTIN A.M. (Eds.). *The Holocaust in the East: Local Perpetrators and Soviet Responses*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014; WÄLKE A. *Pioneers and Partisans: An Oral History of Nazi Genocide in Belorussia*. New York: Oxford University Press, 2015. Эти монографии так же, как и многотомная «Энциклопедия лагерей и гетто», изданная Мемориальным музеем Холокоста в Вашингтоне (USHMM), открывают доступ к богатейшей информации, основанной на обстоятельных архивных разысканиях национального и даже международного уровня.
- 6 Ронл Д. *Op. cit.* P. 31–32. По оценкам Пола, в Польше, бывших СССР и Югославии находятся от пяти тысяч до десяти тысяч мест массовых убийств, тогда как в других частях Европы – несколько сотен (P. 37).

было известно, многие места намеренно оставлены преступниками без опознавательных знаков, особенно в Восточной Польше и на советских территориях. Утрата пространственных ориентиров была усугублена «Акцией 1005» под руководством СС, в ходе которой советских военнопленных, узников гетто и местных жителей заставили раскопать массовые захоронения, вывезти, а затем сжечь трупы евреев, советских солдат и других убитых ранее людей. Пепел развеивали по окрестностям или сыпали в реки⁷. Доказательства массовых казней были в прямом смысле превращены в пыль⁸, что привело к последующему стиранию следов Холокоста. Послевоенное советское умалчивание также способствовало исчезновению таких объектов из поля зрения; многие из них заросли, не имеют надгробий, а об их местонахождении известно лишь немногим. В отличие от Освенцима-Биркенау или даже тех лагерей, где проводилась операция «Рейнхард» – Собибора и Трешлинка, эти места событий в прямом и переносном смысле остаются на задворках памяти о Холокосте. С конца 1990-х различные организации занимались поиском таких объектов, добываясь возможности проводить на них памятные и просветительские мероприятия, посвященные произошедшим здесь трагическим событиям⁹. Если брать шире, то данные усилия отражают растущий интерес ученых к исследованию подобного рода территорий¹⁰ Европы с новых позиций, с использованием среди прочего географической методологии, а также судебной археологии¹¹.

Участники двух проектов – инициативы института «Яд ва-Шем» «Онлайн-путеводитель по местам убийств евреев в бывшем СССР» совместно с онлайн-платформой «Нерассказанные истории: места убийств евреев на оккупированных территориях бывшего СССР», с одной стороны, и французской инициативы «Яхад-ин Унум», с другой, – занимаются выявлением мест убийств на бывших советских территориях и содействуют увековечиванию памяти погибших¹². Работа «Яхад-ин Унум»

- 7 GERLACH C. *Op. cit.* S. 773. Подробное исследование «Акции 1005» можно найти в: ANGRICK A. "Aktion 1005" – *Spurenbeseitigung von NS-Massenverbrechen 1942–1945: Eine "geheime Reichssache" im Spannungsfeld von Kriegswende und Propaganda*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.
- 8 SILBERKLANG D. *Killing Sites – Research and Remembrance // Killing Sites...* P. 23.
- 9 Международный альянс памяти о Холокосте всячески поддерживает эти инициативы, предоставляя онлайн-платформу и аккумулируя результаты проведенных исследований. См.: *Killing Sites Database* (www.holocaustremembrance.com/killing-sites/ks-database).
- 10 POLLACK M. *Kontaminierte Landschaften*. Salzburg: Residenz Verlag, 2014.
- 11 KNOWLES A.K., COLE T., GIORDANO A. (Eds.). *Geographies of the Holocaust*. Bloomington: Indiana University Press, 2014; GIACCARIA P., MINCA C. *Hitler's Geographies: The Spatialities of the Third Reich*. Chicago: University of Chicago Press, 2016; STURDY COLLS C. *Holocaust Archaeologies: Approaches and Future Directions*. New York: Springer, 2015.
- 12 См.: *Online Guide of Murder Sites of Jews in the Former USSR* (www.yadvashem.org/research/research-projects/killing-sites/killing-sites-catalog.html); *The Untold Stories* (www1.yadvashem.org/untoldstories/homepage.html; www.yahadinunum.org).

включает в себя интервьюирование жителей на месте событий и запись этих интервью на видео. Большинство опрошенных являются свидетелями, но иногда «Яхад-ин Унум» удается опросить и выживших в Холокосте¹³.

Эти записи отличаются по форме, содержанию и продолжительности от хорошо известных материалов из архивных коллекций «Fortunoff», USHMM и VHA. Как свидетельские показания они представляют собой разновидность видеосвидетельств, требующую особого подхода, который я использую как контрастный фон при рассмотрении вопросов свидетельствования о Холокосте в Беларуси. В этой связи я предлагаю своего рода «свидетельскую грамотность» (*testimonial literacy*)¹⁴, или грамотную работу со свидетельствами, подразумевая под этим чувствительность к формирующим свидетельства реальным, физическим истокам и институциональным практикам. Особенно показательны в этом отношении «неожиданные, менее структурированные моменты»¹⁵ взятых интервью, поскольку они подчеркивают встроенность респондентов в собственное окружение. Эта встроенность – или даже укорененность – свидетелей в определенные местные условия как раз и раскрывает главные особенности Холокоста в Беларуси, а именно, его воздействие на местное нееврейское население, которое вынужденно становилось свидетелем или даже участником массовых убийств и которое в свою очередь само было объектом варварского насилия; публичный характер убийств, проводившихся в непосредственной близости от жилищ местных жителей; связь геноцида с насилием военного времени в более широком смысле, оставившем глубокий след на местных ландшафтах и общинах.

Возникнув как частная инициатива католического священника, отца Патрика Дебуа, который пытался выяснить историю пребывания его деда в немецком лагере для военнопленных в Украине, «Яхад-ин Унум» превратилась в хорошо финансируемую некоммерческую организацию, работающую в восьми странах мира¹⁶. Начиная с 2004 года Дебуа и другие участники проекта неоднократно выезжали на предполагаемые места убийств. Они опросили около 7000 очевидцев из числа местных жителей¹⁷ с целью выяснения подробностей происходивших там событий и установления мест расстрелов и захоронений. Свои интервью они записывали на видео. Основная задача

13 См., например: www.yahadinunum.org/belarus-trip-8-november-26-december-10-2010/.

14 SHENKER N. *Reframing Holocaust Testimony*. Bloomington: Indiana University, 2015. P. 2.

15 Ibid.

16 Об истории создания и первоначальных целях этой организации см.: DESBOIS P. *The Holocaust by Bullets: A Priest's Journey to Uncover the Truth behind the Murder of 1,5 Million Jews*. New York: Palgrave Macmillan, 2008; ИДЕМ. *In Broad Daylight: The Secret Procedures behind the Holocaust by Bullets*. New York: Arcade Publishing, 2018; см. также: *Онлайн выставка USHMM «Холокост: что могут рассказать пули»*.

17 См.: www.yahadinunum.org/mission/.

организации – установление мест совершения убийств. Это по преимуществу проект, связанный с пространством. Его реализация привела к созданию архива, структурированного по месту, а не как большинство других собраний свидетельских показаний – по фактам личного опыта опрошенных. Многие интервью включают посещение мест убийства, в ходе которого рассказчики указывают на конкретные особенности ландшафта, уточняя и подкрепляя свои рассказы об облавах, расстрелах, сокрытии преступлений и реакции местных жителей. Поэтому необходимо подчеркнуть особую важность *места* для создания коллекции свидетельств «Яхад-ин Унум» и использовать его в качестве категории анализа.

В научной литературе *место* определяется по-разному. В данной статье я использую рабочее определение места как «гуманизированного пространства», то есть значимого сегмента пространства, который ассоциируется с определенным опытом¹⁸. Идентифицировать место в качестве «значимого местоположения» означает установить три его составляющих: *локацию* места – четко идентифицируемое пространство, абсолютную точку в пространстве, определяемую набором координат и ее положением относительно других локаций; *локаль* места, или параметры местности, – пространство с определенными материальными особенностями – такими, как пейзаж, лес, поле, улица, население, – и его *значение*, которое лучше всего можно описать как то, что дает нам *ощущение места* – это результат аффективных реакций, восприятия места различными органами чувств: зрением, слухом, обонянием, осязанием или вкусом¹⁹. При этом локаль и значение находятся в движении, они со временем меняются, из-за чего место должно быть понято как находящееся в постоянном становлении – оно динамично, поскольку является результатом пространственных практик, естественных процессов и акта представления.

Описанные три детерминанты места – это то главное, что выясняет «Яхад-ин Унум», пытаясь установить места совершения убийств. Информации о местонахождении и параметрах местности было бы недостаточно для достижения целей проекта; основное здесь – нарративы: «Места [убийств...] не существовали бы как места, если бы не истории, рассказанные о них и посредством их»²⁰. Именно поэтому я обращаюсь к историям о месте, а также к историям, рассказываемым *посредством* этого места. При этом я рассматриваю сам момент повествования как

18 YI-FU T. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. P. 4.

19 AGNEW J. *Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society*. London: Allen & Unwin, 1987; цит. по: CRESSWELL T. *Place: An Introduction*. Malden: Wiley Blackwell, 2015. P. 12; см. также: HAYDEN D. *The Power of Place: Urban Landscapes as Public History*. Cambridge: MIT Press, 1995. P. 18.

20 PRICE P. *Dry Place: Landscapes of Belonging and Exclusion*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004. P. xxi.

часть этой истории, применяя пространственно-соотнесенный подход к видеосвидетельствам, созданным на территории бывшего СССР. Этот подход является продолжением исследований Ханны Поллин-Галэй, анализирующей «экологические аспекты свидетельствования» с целью уловить роль общественного воображаемого, нормативных понятий и образов, а также формирующих свидетельства пространственной, звуковой и материальной сфер²¹. При этом, если Поллин-Галэй исследует «вербальную географию» и повествовательные картографии опыта *выживших* до, во время и после войны, картографии, наличествующие в свидетельствах и проступающие сквозь них²², то я сосредоточиваюсь на визуальном приближении к местам исторических событий и к (видимым и невидимым) физическим следам Холокоста, опосредованным видеосвидетельствами очевидцев. В частности, моя задача здесь состоит в том, чтобы наполнить конкретным содержанием предостережение Джона Берджера, считающего, что «отношения между тем, что мы видим, и тем, что мы знаем, остаются весьма зыбкими»²³. Я предлагаю прочтение того, что мы видим, основывающееся на историческом анализе. В свою очередь это прочтение может изменить наш исторический анализ, в данном случае – анализ тех пространственных отношений, которые определили ход Холокоста и которые теперь формируют память и представление о совершенном геноциде.

В предлагаемых мной аналитических рамках место рассматривается как триггер памяти. Это означает, что исследователи должны обращать внимание на пространственные элементы, появляющиеся в материале – то есть в видеосвидетельстве, которое смотрит зритель, поскольку эти элементы показательны в плане социальных и экологических последствий нацистского геноцида в Беларуси. При внимательном отношении к специфике свидетельских рассказов *in situ* – то есть там, где, согласно Деборе Берд Роуз, мы имеем дело с «израненным пространством, [...] географическим пространством, которое было разорвано и расколото насилием и изгнанием и которое буквально изрыто теми местами, где жизнь была безвозвратно уничтожена»²⁴, – перед нами открывается вся запутанность и сложность истории Холокоста, его укорененность в режиме насилия, а также его долговременное наследие и воздействие на процесс свидетельствования в данной местности.

21 POLLIN-GALAY H. *Ecologies of Witnessing: Language, Place, and Holocaust Testimony*. New Haven: Yale University Press, 2018. P. 2.

22 Ibid. P. 205–206.

23 БЕРГЕР ДЖ. *Искусство видеть*. СПб.: Клаудберри, 2012. С. 9. (Речь идет о телепрограмме и одноименной книге британского арт-историка, критика и писателя Джона Берджера, которого русский переводчик называл «Бергером». – *Примеч. ред.*)

24 ROSE D. *Reports from a Wild Country: Ethics for Decolonization*. Sydney: UNSW Press, 2004. P. 34.

База данных, составленная из интервью, проведенных «Яхад-ин Унум», закрыта для исследователей и недоступна для поиска. Лишь небольшая подборка свидетельств открыта для просмотра в библиотеке Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне. Как правило, доступ предоставляется отдельно в каждом конкретном случае по запросу исследователя. Мой анализ основан на шестнадцати цифровых файлах, которые я получила от «Яхад-ин Унум», запросив доступ к видеозаписям интервью, взятых на западе Витебской области и/или включающих видеосъемку мест массовых захоронений в лесах и полях Беларуси. В дальнейшем я также запросила доступ к дополнительным записям с двух мест событий, о которых речь пойдет ниже. Мне нужно было получить этот материал, поскольку записи, выложенные на сайте организации в формате интерактивной карты установленных мест убийств, представляют собой просто вырезанные из интервью короткие клипы и вследствие этого дают ограниченное представление о том, как проводилось интервью. Необработанные же, неотредактированные кадры, напротив, позволяют понять намного больше; именно они составляют главную ценность архива, представлению и анализу которого посвящена данная статья.

ТРАЕКТОРИИ ВИДЕОСВИДЕТЕЛЬСТВ О ХОЛОКОСТЕ

Свидетелями Холокоста на оккупированных немцами советских территориях были не только евреи, но и многие другие: их соседи, одноклассники, коллеги, местная полиция. Именно этих нееврейских «других» и разыскивает в первую очередь «Яхад-ин Унум», чтобы узнать о событиях локальной истории и о тех местах, где были совершены убийства. Таким образом, организация придерживается существенно иного подхода к сбору свидетельств о Холокосте, нежели архив «Fortunoff», USHMM или VHA, поскольку видеосвидетельства из трех перечисленных собраний основаны в первую очередь на интервью с людьми, которые сами пережили антиеврейские преследования и геноцид. Прежде всего это касается VHA, который провел большое количество интервью в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, разыскивая выживших через организации ветеранов войны и бывших жертв нацистских преследований. При этом респонденты могли находиться даже в Новосибирске или других городах, расположенных далеко от тех мест, где они жили во время войны.

Материалы, снятые VHA, который начинал свою работу в тот период, когда технология мобильной видеозаписи стала доступной и простой в использовании, отличаются повышен-

ной доверительностью. Съёмки производились у интервьюируемых дома, а их самих усаживали так, чтобы зрителю была видна домашняя обстановка и личные вещи²⁵. Таким образом, видеок кадры раскрывают информацию о текущих условиях жизни и статусе опрашиваемых. «Яхад-ин Унум» идет еще дальше в этом направлении, фиксируя на камеру пространственную среду интервью с помощью неподвижных и движущихся изображений комнат, спален, дворов, улиц и окружающей природы.

Этот особый визуальный компонент свидетельствует о главном отличии подхода «Яхад-ин Унум» от практики других коллекций. Респонденты отбираются по принципу *места*, обычно места их жительства, – а не в силу опыта, связанного с пережитыми преследованиями. Большинство опрошенных являются не теми, кто выжил в геноциде, а его свидетелями, оставшимися в тех местностях, где были совершены массовые убийства. Они находились в непосредственной близости от мест убийств, и выбор пал на них как на потенциальных респондентов именно в силу этой пространственной связи.

Следовательно, когда интервьюируемых просят рассказать, что они знают о произошедшем событии *в качестве свидетелей*, их в действительности опрашивают в качестве *экспертов по месту*²⁶. Во главу угла всех интервью ставится заявленная «Яхад-ин Унум» цель: «разыскать очевидцев казней евреев и цыган, поскольку наша работа направлена на выявление каждого места расстрела и массового захоронения в бывшем Советском Союзе»²⁷. Именно этим криминалистическим подходом определяется, с кем и при каких условиях проводятся интервью, как создается, структурируется и выкладывается для пользователей растущий архив. Но главное – этот подход формирует само содержание свидетельств.

Перед каждой полевой поездкой в изучаемый регион сотрудники «Яхад-ин Унум» поднимают архивные документы и существующую научную литературу для выявления возможных

25 По наблюдению Ханны Поллин-Галэй, свидетельства из Архива визуальной истории, собранные в Литве, редко включали в себя посещение мест исторических событий: POLLIN-GALAY H. *Op. cit.* P. 236.

26 В данном случае я использую терминологию исследований в области социальных наук, связанную с так называемыми «экспертными интервью». Конечно, категории экспертизы или экспертного знания определяются исследователями в зависимости от исследовательского вопроса: рассказы интервьюируемых считаются показательными не в плане их собственного опыта, а в плане конкретной экспертной оценки. И, хотя границы между тем и другим весьма расплывчаты, я все же считаю, что такой подход важен. Более подробно об экспертных интервью см. основополагающий текст Михаэля Мойзера и Ульрике Нагель: MEUSER M., NAGEL U. *ExpertInneninterviews – vielfach erprobt, wenig bedacht. Ein Beitrag zur qualitativen Methodendiskussion* // GARZ D., KRAIMER K. (Hg.). *Qualitativ-empirische Sozialforschung. Konzepte, Methoden, Analysen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. S. 441–471. См. также недавние работы, оценивающие потенциал экспертных интервью и возможные «подводные камни»: BOGNER A., LITIG B., MENZ W. (Eds.). *Interviewing Experts*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

27 См.: www.yahadinunum.org/mission. Организация также исследовала соответствующие объекты в Польше, Румынии, Словакии и Македонии (части бывшей Югославии).

объектов поиска²⁸. В этом отношении интересны материалы «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками» (обычно называемой просто Чрезвычайной государственной комиссией – ЧГК), поскольку эти материалы включают в себя не только протоколы допросов, но и наброски карт²⁹. «Яхад-ин Унум» буквально идет по следам советских официальных лиц, которые с 1942-го по 1947 год собирали документальные свидетельства о Холокосте – хотя они и не называли его так, да и собранные сведения отличались неполнотой. Поскольку особенностью геноцида был тот факт, что репрессии проводились по месту жительства евреев и цыган, «Яхад-ин Унум» с определенной периодичностью выезжает в деревни и малые города – бывшие местечки еврейской черты оседлости. По примеру многих исследователей, которые в поисках выживших и свидетелей практиковали выезд на места исторических событий, команда пытается выявить потенциальных собеседников через организации ветеранов войны и жертв Холокоста или же просто бродя по городу и заговаривая с незнакомыми людьми. Эта, казалось бы, произвольная стратегия является не только единственно возможной – она зловещим образом отражает произвольный характер самого преступления, когда свидетелем мог стать любой. В то же время поиск наталкивается на проблему преклонного возраста потенциальных свидетелей. Вдобавок после войны наблюдался колоссальный отток населения из ряда районов, и многие нынешние жители прибыли сюда позднее исследуемых нами событий. В результате людей, которых можно было бы опросить, довольно мало, а в некоторых населенных пунктах «Яхад-ин Унум» удается найти не более одного свидетеля.

Что касается самих интервью, то они заметно выделяются на фоне других архивов свидетельских показаний – своей постановкой, участниками, тем, как выстраиваются рассказы. Так, многие интервью проводятся и снимаются на открытом воздухе, когда свидетели сидят на скамейке возле своего дома.

28 По результатам посещения Яхад-ин Унум и беседы с Патрисом Бенсимоном, тогдашним директором этого исследовательского центра, 18 февраля 2019 года.

29 Работа этой комиссии подробно изучена. При этом исследователи отмечают роль запугивания в ходе бесед, проводившихся сотрудниками НКВД, а также предвзятость сделанных записей, где опущена важная информация, в том числе сведения о личности жертв. Однако, как показывает работа «Яхад-ин Унум», отчеты, особенно полевые – в отличие от рапортов, составленных на региональном, республиканском и общегосударственном уровнях, – на сегодняшний день содержат подробности, на которые ранее не обращалось должного внимания. О различном отношении к ЧГК и целесообразности использования ее материалов для исследования Холокоста см.: СОРОКИНА М. *People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR* // DAVID-FOX M., HOLQUIST P., MARTIN A.M. (Eds.). *Op. cit.* P. 118–141; SHNEER D. *Probing the Limits of Documentation* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2009. Vol. 10. № 1. P. 121–133; СНАН Р. *Red Stars and Yellow Stars: The Soviet Investigation of Klooga Concentration Camp* // *Holocaust and Genocide Studies*. 2019. Vol. 33. № 2. P. 197–224.

Обычно информанты одеты буднично – в отличие от интервью из уже сложившихся коллекций, где большинство свидетелей предстают в нарядной одежде и даже в украшениях. В команды «Яхад-ин Унум» входят видеооператор, переводчики, фотографы и стенографисты. На заставке сайта организации показано, как выглядят эти довольно большие группы сотрудников, работающие со свидетелями³⁰. Если в других коллекциях свидетельских показаний присутствие на экране интервьюера, как правило, является табу (не считая краткой вводной части в интервью, снятых ВНА), то в некоторых отснятых интервью, прошедших через мои руки, можно видеть интервьюера, который иногда сидит рядом со свидетелем, просматривая архивные материалы. По сравнению с другими коллекциями интервью «Яхад-ин Унум» довольно короткие: продолжительность тех, к которым я смогла получить доступ, варьировалась от 12 минут до 1 часа 19 минут. На самом деле рассказ свидетелей даже короче, чем продолжительность отснятого материала: перевод вопросов с французского языка на язык свидетеля и ответов – с местного языка на французский увеличивает время интервью примерно вдвое относительно собственно беседы между интервьюером и интервьюируемым. Краткость в значительной мере достигается за счет последовательности вопросов и ответов, направленной на то, чтобы добраться до сути. В результате мы имеем дело со сжатым рассказом о задержании, транспортировке и казни евреев или цыган в том или ином месте, а не как в случае со свидетельствами выживших – с рассказом человека о личном опыте, охватывающем обычно всю его жизнь.

АНИКА ВАЛЬКЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

Когда интервьюируемых просят рассказать, что они знают о произошедшем событии *в качестве свидетелей*, их в действительности опрашивают *в качестве экспертов по месту*.

Вместо диалогической речи и попытки зафиксировать индивидуальный опыт интервьюируемых, их восприятие и интерпретацию прошлого, обычных для устной истории и свидетельских интервью, перед зрителем оказывается экспертное интервью, четко сфокусированное на информированности свидетеля о некоем историческом событии, произошедшем в определенном месте. В этом плане показательно начало интервью с Андреем К. из города Мотоля (Брестская область):

30 См.: www.yahadinunum.org/why-yahad-in-unum.

Интервьюер: В каком году вы родились?

Андрей К.: 1929-м.

Интервьюер: Вы здесь, в Мотоле, родились?

Андрей К.: Здесь, в Мотоле.

Интервьюер: Вы помните, как здесь расстреливали евреев? Это было лето или зима?

Андрей К.: Это было лето. Это было 2 августа 1941 года³¹.

Интервьюер быстро спрашивает о дате и месте рождения респондента и сразу же переходит к вопросу о казни местных евреев. Некоторые интервью включают также вопрос о доверенной еврейской жизни в изучаемом месте, но большинство строятся по описанной выше схеме. Личный опыт интервьюируемого представляет лишь косвенный интерес – и только в том случае, когда рассказчики, говоря о себе, вспоминают об исторических событиях, касающихся других.

Благодаря полевым наблюдениям и визуальной фиксации интервью и мест, коллекция свидетельских показаний «Яхад-ин Унум» напоминает документальные фильмы, в которых «интервью со свидетелями и очевидцами проводятся на том самом месте, на месте действия»³². В частности, приходит на память проект Клода Ланцмана, опрашивавшего для своего девятичасового фильма «Шоа» выживших, свидетелей, преступников и других лиц в тех местах и их окрестностях на территории Польши, где находились лагеря уничтожения и концентрационные лагеря. Этот фильм, как отмечает Ангелики Цети, также имел целью развенчать безмятежность и обманчивую нормальность лесных пейзажей³³. «Яхад-ин Унум» разделяет этот интерес и в своей работе идет еще дальше в поиске свидетелей и установлении факта их присутствия *при*, знания *о* и даже участия *в* убийствах, которые имели место в их деревне. В последнее время художники и ученые используют фотографию для показа и прочтения мест исторических событий на фоне и посредством тех или иных нарративов, чтобы рассказать историю заново³⁴. В составе выезжающих на места убийств команд «Яхад-ин Унум» тоже есть фотографы, их ра-

31 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К. Мотоль, Брестская область. 15 августа 2009 года.

32 TSETI A. *In the Absence of Ruins. The "Non-Sites of Memory" in Claude Lanzmann's Shoah and Daniel Mendelsohn's Lost: A Search for Six of Six Million* // MITSU E., DESPOTOPOULOU A., DIMAKOPOULOU S., ARETOULAKIS E. *Ruins in the Literary and Cultural Imagination*. New York: Palgrave Macmillan, 2019. P. 216.

33 Ibid. P. 217; см. также статью: SZCZEPAN A. *Traumatic Performances in the Digital Age: Why We Need the Video Testimonies of Holocaust Bystanders* // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. 2017. № 18. P. 117–135. Здесь анализируются перформативные аспекты Шоа и интервью, взятые «Яхад-ин Унум».

34 См., например: SEBALD W.G. *Austerlitz*. München: Hanser, 2001; LANGENHEIM H. *Mordfelder: Orte der Vernichtung im Krieg gegen die Sowjetunion / Поля смерти: Места уничтожения людей в войне против Советского Союза*. Deutsch-Russisches Museum Berlin-Karlshorst. Berlin: Elefant Press, 1999; LEVIN M. *War Story*. München: Gina Kehayoff Verlag, 1997 (см. также: www.mikaellevin.com/war_story.html).

бота частично представлена на сайте организации и является важной составляющей собранных архивных данных. В общем, деятельность «Яхад-ин Унум» вписывается в долгую и сложную историю аудиовизуальной историографии, кинематографических и визуальных подходов к истории и памяти.

В команды «Яхад-ин Унум» входят также эксперты по баллистике, которые пытаются определить тип и происхождение пуль, использованных при массовых расстрелах. Результаты этих исследований, насколько мне известно, не являются общедоступными, не считая соответствующих примечаний к публикациям отца Дебуа, и ввиду особых методов анализа, которых потребовало бы обсуждение этих находок, они не рассматриваются в данной статье.

АНИКА ВАЛЬКЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

МЕСТО СВИДЕТЕЛЬСТВА

Когда команда «Яхад-ин Унум» расспрашивает о местах убийств в Беларуси, она делает это в рамках конкретного набора пространственных характеристик, определяемого локацией повествования – городом, деревней или поселением в Беларуси, – и ставит своей целью реконструировать некое место – убийства и захоронения – с помощью нарративов и жестов. Мы сможем различить эти два слоя, если обратим особое внимание на истории о местах и истории, рассказанные *посредством* места. Эти истории обнаруживают близость насилия в прошлом и настоящем, *то есть* непосредственное соприкосновение с ним во время войны и его долговременные последствия. Истории эти также наводят на мысль, что место убийства и захоронения поддается установлению не так однозначно, как того хотелось бы, и что стремление исследователей выявить такие места применительно к конкретным локациям требует внимания к контексту геноцида евреев – в частности, к насилию, которому подверглась Беларусь и ее население в целом.

В случае с Беларусью «Яхад-ин Унум» вступает на территорию, чья земля, люди и природа подверглись уничтожению во время немецкой оккупации так, как почти ни одна другая страна. Немецкие войска пересекли демаркационную линию между немецкой и советской зонами оккупации Польши 22 июня 1941 года и быстро продвинулись в глубь тогдашней Белорусской Советской Социалистической Республики, разгромив советские войска и захватив в плен миллионы солдат и офицеров. Воздушные налеты и стремительное продвижение немецких войск стоили жизни многим людям; мало кто смог эвакуироваться или бежать, чтобы не попасть под контроль немецких оккупационных властей. Местные жители были обязаны рабо-

тать на оккупационные власти – и часто работать в прежнем качестве земледельца, рабочего и так далее, но сдавая теперь часть урожая (зерно, овощи, фрукты). Около 370 000 белорусов были депортированы в Германию и союзные с ней страны на принудительные работы. На протяжении всего периода оккупации немецкие войска вели антипартизанскую войну. Пытаясь подавить партизанское движение, немцы рассматривали в качестве противника не только действующих партизан (то есть комбатантов), но и всех, кто мог *потенциально* их поддерживать. Как показала практика, к этим группам были отнесены гражданские лица из определенных районов, которые затем без суда и следствия были убиты или депортированы; евреи же считались врагами по определению и, следовательно, стали основными мишенями антипартизанских карательных операций.

В целом за время Второй мировой войны Беларусь потеряла от четверти до трети своего населения. Помимо потерь среди мирных жителей, к концу войны в руинах лежали 1,2 миллиона жилых домов в сельской местности, пришли в негодность 90% городских домов и общественных зданий, и лишь 23% довоенной жилой площади в таких городах, как Минск, Гомель и Могилев, оставались пригодными для проживания³⁵. Три миллиона человек стали бездомными или жили в землянках³⁶. 85% промышленных предприятий получили повреждения, производственные мощности экономики снизились на 95%, посевные площади сократились почти вдвое, было уничтожено 80% поголовья скота³⁷. По ходу повествования интервьюируемые свидетельствуют и об этом беспрецедентном разрушении.

Массовые расправы над местными евреями на территории современной Беларуси начались летом 1941 года. К концу весны 1942-го была убита большая часть еврейских жителей, а оставшиеся в живых отдельные лица и небольшие общины были уничтожены к осени 1943-го. За три года немецкой оккупации были убиты 90% из примерно 800 000 евреев, проживавших в БССР до нападения немецких войск на Советский Союз (сюда входят и евреи из аннексированных СССР в 1939 году восточных районов Польши). Холокост происходил здесь непосредственно в местах проживания людей. Большинство белорусских евреев жили в сельской местности или небольших городках, бывших местечках, разбросанных по всей стране. С 2004-го по 2018 год «Яхад-ин Унум» выявила 432 места совершения убийств. Однако скорее всего их гораздо больше. Выпу-

35 Смиловицкий Л. *Борьба евреев Белоруссии за возврат своего имущества и жилищ в первое послевоенное десятилетие, 1944–1954 гг.* // *Беларусь в XX стагоддзі* / Ред. В.П. Андреев. Минск: Водoley, 2002. С. 167–168.

36 GERLACH С. *Op. cit.* S. 11.

37 Ibid.

щенная USHMM «Энциклопедия лагерей и гетто, 1933–1945 гг.» насчитывает по Восточной Белоруссии и Генеральному округу Белорутения – двум регионам, охватывавшим большую часть территории сегодняшней Беларуси, – 190 гетто. Почти каждый городок или деревня стали свидетелями массовых убийств, а значит, там имеются массовые захоронения. Многие населенные пункты стали местом совершения более, чем одного, массового убийства, и, следовательно, рядом с ними находится не одно, а несколько захоронений.

Ежедневное соприкосновение с насилием и его отдаленными последствиями приводит к тому, что интервью, которые местные жители дают для «Яхад-ин Унум», оказываются вписанными в их повседневную жизнь, прежде всего – в рутину *сельской* жизни. Мы видим рассказчиков, сидящих возле своего дома, во дворе или у забора, что указывает на их каждодневные заботы по дому и хозяйству. Например, свидетель Андрей К.³⁸ сидит на скамейке возле дома. Во время интервью мы видим позади говорящего желтое ведро, висящее кверху дном на заборе, что указывает на выполненную незадолго до того работу, то есть на ту обыденную жизнь, которой живет информант много лет спустя после описываемых им событий. Позже ведро было убрано, видимо, женой Андрея К. Зритель понимает, что никакого постановочного фона здесь нет: интервью – такая же часть повседневной жизни, как и любое другое рутинное дело.

Рядом со свидетелем Адой Ш. во время интервью находится кошка, которая то появляется в кадре, то исчезает, выступая в роли привычного спутника интервьюируемой, особенно пока та ожидает завершения перевода³⁹. Общение в перерывах с любимым домашним животным позволяет предположить, что интервью не требует от женщины больших усилий, чтобы вспомнить пережитое в прошлом. В то время как для свидетельских показаний из архивных коллекций «Fortunoff», VNA или USHMM первостепенное значение имеют сосредоточенность и стремление создать по возможности свободную от отвлекающих факторов атмосферу, свидетельница «Яхад-ин Унум» то включается, то выключается из своего нарратива о прошлом. Такое впечатление, что прошлое для нее не только прошлое, но и настоящее и его можно припомнить без особого труда.

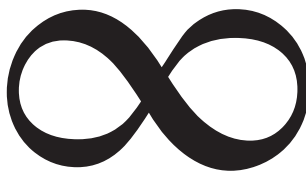
Это присутствие прошлого может быть следствием пространственной близости к месту трагедии и прямого соприкосновения с массовым убийством. Респондентов просят описать или показать местоположение сцены убийства, как было совершено убийство, и пояснить, откуда у них взялось это зна-

АНИКА ВАЛЬКЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

38 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

39 «Яхад-ин Унум». Интервью № 30В с Адой Ш. Волыньцы, Витебская область. 13 июля 2008 года.

ние. В одних случаях свидетели физически находились в отдалении, но достаточно близко, чтобы видеть или слышать стрельбу; в других – они смогли побывать на месте преступления вскоре после убийства. Благодаря этой топографической близости, они способны рассказать историю об этом месте через собственную включенность, причем нередко во всех подробностях, пространственно размещая описываемые события относительно самих себя.

Интервью с Андреем К. наглядно показывает, насколько близким и неотделимым от повседневной жизни был Холокост в Беларуси. В июле 1941 года, когда немецкие войска заняли Мотоль – город, так же известный как Моталь (бел.) или Мотель (идиш), примерно в тридцати километрах к западу от Пинска, – ему было двенадцать лет. Он был достаточно юным, чтобы избежать трудовой мобилизации, но достаточно взрослым, чтобы наблюдать и осмысливать события того времени, включая преследование и убийство местных евреев.

Вскоре после того, как в июле 1941-го немецкие войска заняли Мотоль, местному еврейскому населению было предписано носить на руке белую повязку со звездой Давида, но уже через некоторое время евреи стали жертвами акции уничтожения, проведенной по приказу Генриха Гиммлера войсками СС и вермахта. Расположенный в районе Полесья, Мотоль оказался на территории, которую немецкие войска намеревались очистить от всех, кто мог оказать сопротивление, и особенно – от еврейского населения. Эту карательную операцию под кодовым названием «Припятские болота» с полным основанием можно квалифицировать как «превентивное массовое убийство»⁴⁰. Ряд командиров СС, принимавших участие в операции, восприняли приказ очистить территорию от «расовых врагов» и «недочеловеков» как призыв убивать всех евреев подряд и действовали соответственным образом в Хомске, Мотоле, Телеханах, Вольке и Ганцевичах⁴¹. Эта операция знаменует собой качественный скачок в осуществлении Холокоста в Беларуси, ибо впервые были убиты все еврейские жители определенного населенного пункта: это было началом систематического истребления еврейского населения⁴². В период со 2-го по 13 августа 1941 года в районе Припяти были расстреляны по меньшей мере 13 788 мирных жителей, 90% из которых были

40 GERLACH С. *Op. cit.* S. 558.

41 Ibid. P. 560.

42 Круглов А. И. *Холокост в оккупированных регионах СССР: проблема периодизации и региональных особенностей // Война, Холокост и историческая память. Материалы XX международной конференции по удаике* / Ред. Е. Кузнецова. М.: Сэфер, 2013. Т. IV. С. 61–62. Александр Круглов выявляет конкретные даты этого скачка применительно к разным регионам, отмечая, например, что первые тотальные расстрелы имели место в Ауце (Латвия) 11 июля 1941 года, в Рокишкисе (Литва) 15–16 августа 1941 года и в Зембине (Восточная Белоруссия) 18 августа 1941 года. См. также: GERLACH С. *Op. cit.* S. 557.

евреями⁴³. Таким образом, то, что описывают Андрей К. и другие респонденты, – один из первых случаев, когда небольшой городок стал свидетелем облавы и массовой казни собственных соседей-евреев, причем на виду у всех. Андрей К. сообщает:

АНИКА ВАЛЬКЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

«Приехала группа “карателей”, как у нас их называли, для этого. Они в центре там, собственно я пацаном был тоже, там в центре был, они дали команду и сгоняли всех в школу. Там звали “Синяя школа” мы. Там и я в ней учился. Мужчин всех они собрали и повели на расстрел тоже пешком в сторону Осовницы [деревня в Ивановском районе Брестской области. – А.В.]. Я там не был, ничего не видел и ничего вот вам не знаю»⁴⁴.

Афанасий Д., которому в то время был 21 год, тоже вспоминает, что мужчин отвели в школу, но в тот же день их погнали в сторону Осовницы, где и расстреляли. Пожилой сосед рассказал ему, что один из полицаев – местных жителей, работавших на немецкий оккупационный режим, – передал немцам список из пятидесяти коммунистов. «На самом деле это не коммунисты, это богатые люди, а полиция – бедняки, так они на них, значит, донос написали, и все»⁴⁵. Иными словами, наряду с евреями немецкие патрули пытались также устраивать облавы на других нежелательных местных жителей, и некоторые горожане использовали эту возможность, чтобы донести на тех, кого считали своими конкурентами или против кого затаили обиду. Это повторяет схему, получившую распространение в ходе сталинских кампаний по раскулачиванию, когда советские граждане, преследуя личные цели, доносили на своих коллег или соседей как на кулаков, обрекая тем самым их на арест, депортацию или расстрел. Афанасий Д., работавший в советских и партийных организациях, и его товарищ провели ночь в полях, чтобы избежать грозившего им ареста. Утром, «только рассвело, слышим “Тарарах!” Значит, расстреливали. Расстреливали тут, на Высоком Груду и возле камня»⁴⁶. Они слышали, как расстреливают еврейских женщин и детей, которых всю ночь продержали в школе.

Андрей К. рассказывает:

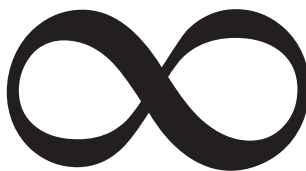
«На следующий день, уже мы тут были, значит, дóма, [он] у нас практически был [из] последних этих домов, что сейчас в эту сторону – их не было. Это застроены позже. Только вот кто ходил до Калил? Что там еще? Этого, значит. Так там четыре дома на пастбище было построено, так этих от тех домов до этого Калил, что пошлет, так там метров 150–200, их расстреливали на пастбище.

43 GERLACH С. *Op. cit.* S. 561.

44 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

45 «Яхад-ин Унум». Интервью № 206В с Афанасием Д. Мотоль, Брестская область. 13 августа 2009 года.

46 Там же.

Там четыре дома стояло сзади. А уже от нас уже метров пятьсот было. Но мы посматривали все, потому что там все пусто, там пастбище были, значит, за этим. И там, и там было видно, у нас на эту самую. Значит, на второй день утром уже возле нас стали водить это группами этих самых, которые ночевали там, в школе, женщин, детей и стариков»⁴⁷.

Женщин группами сгоняли на место убийства неподалеку от Осовницы. Многие из них несли на руках детей. Их провели по улице, которая сегодня является улицей Ленина⁴⁸, к месту, называемому в народе «Высокая Груда», и расстреляли в нескольких местах вблизи населенного пункта под названием Гай⁴⁹.

«Я же видел, как вели. Но, но тоже, я коров пасил⁵⁰ тогда, значит. А коров мы гнали там, в сторону Замошья [деревня в Ивановском районе Брестской области. – А.В.]. Там на пастбище четыре километра мы гнали. Так мы, когда гнали утром коров, уже после этого, как их расстреляли, то с правой стороны тут группа одна была расстреляна, лощина там была. И за этой лощиной еще группа расстреляна, с правой стороны»⁵¹.

Сидя на своей скамейке, Андрей К. указывает направление, в котором евреев этапировали из деревни, размечая жестами пространство вокруг себя. В Осовнице еврейские мужчины перед расстрелом должны были вырыть себе могилу. Однако ям было вырыто недостаточно, и тела большинства жертв остались лежать на виду у всех, поверх земли. Чтобы похоронить тела, были согнаны местные жители:

«Там людей назначали, которые там с лошадьми, то они свозили. Другие, знаю, мужчины, без лошадей, они там копали эти ямы и там это. Но там было, значит, четыре, четыре захоронения в этом»⁵².

Еще один свидетель, Мария М. 1932 года рождения, вспоминает, как немцы ворвались к ним в дом и вытащили во двор мужчин с криком: «И лопаты берите!»⁵³. Афанасий Д. предполагает, что мобилизовать местных мужиков было поручено сельскому старосте, кричавшему: «Эй, вы, несите лопаты, они убивают евреев!»⁵⁴. Судя по всему, на выполнение задания местных жителей сгоняли как немцы, так и местная администрация. Мария М. вспоминает:

47 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

48 «Яхад-ин Унум». Интервью № 216В с Еленой П. Мотоль, Брестская область. 15 августа 2009 года.

49 См.: www.yahadmap.org/en/#village/motol-motal-brest-belarus.428.

50 Пасвіў (бел.) – пас. – *Примеч. перев.*

51 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

52 Там же.

53 «Яхад-ин Унум». Интервью № 209В с Марией М. Мотоль, Брестская область. 13 августа 2009 года

54 «Яхад-ин Унум». Интервью № 206В с Афанасием Д.

«[Мужчинам пришлось] копать же траншею. Родители же копали траншею. Мужчины. Мужчины траншею выкопали, потому что они [евреи. – А. В.] убиты лежали. А они траншею выкопали, а немец стоял. [...] Они в ряд лежали. Я помню, они в ряд лежали. Все в ряд, не то что один на одном. В ряд. Они с них, наверное, поставили на колени, не знаю, как они били их. Бог их знает. Как они били там. Но они в ряд вот так. Радком, радком. Это, да. Да все уже тянули, тянули в яму. Мужчины же здоровые были»⁵⁵.

Иными словами, местные неевреи не просто хоронили своих соседей-евреев – за тем, как они это делают, наблюдали местные дети⁵⁶. Каждая могила, по оценке Андрея К., имела размер от 15 до 20 метров. Были вырыты четыре общих могилы на расстоянии от 10 до 50 метров друг от друга. Свидетель чертит на земле под ногами расположение ям, в которых были похоронены жертвы.

Некоторые из опрошенных вспоминают, что нескольким евреям удалось бежать и спрятаться где-то поблизости, однако их вскоре поймали:

«Многие там, в огородах прятались там, эти самые евреи. Там вот при мне тоже, я видел так, эти. Как они? Вспомню. Песоцкий? Песоцкий, кажется, фамилия была его тоже. То его сразу поймали там, на огороде, там же его и расстреляли на месте. Это в центре, напротив гмины»⁵⁷.

Афанасий Д. сообщает также, что группа из 50 евреев забаррикадировалась в двух домах. В результате облавы на тех, кто пытался скрыться, несколько человек были застрелены посреди города. Екатерина М. описывает:

«Они постреляли евреев во дворе, [...] я увидела, что ведут евреев двух, троих, ведут евреев троих. Я залезла на забор, на столбик и сижу. Во. В стороне. Вот здесь вот яма, я смотрю на них. Мне-то не страшно было тогда. Что я, маленькая, понимала? А мама в поле жито жали с отцом. [...] А потом еще приводили. Приводили. Пять было, уже застрелили. Еще одну принесли, в одеяло укутанную, она нигде не ходила. Напротив нас жила на дворе, с улицы. Да принесли ее в одеяло, стреляли да и пнули в яму. Там их шесть штук было»⁵⁸.

Если описываемый расстрел производился немцами, то еще около 50 евреев, обнаруженных после массовой казни, были расстреляны местной полицией⁵⁹.

55 «Яхад-ин Унум». Интервью № 209В с Марией М.

56 Из других интервью, взятых «Яхад-ин Унум», следует, что некоторые местные жители строили забор гетто, другие отвозили пожилых людей и тех, кто не мог ходить, к местам расправ, а кто-то участвовал в облавах на своих соседей. См.: DESVOIS P. *In Broad Daylight...*

57 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

58 «Яхад-ин Унум». Интервью № 210В с Екатериной М. Мотоль, Брестская область. 13 августа 2009 года.

59 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

Говоря о причастности местных жителей к массовым убийствам, следует отметить, что дело не ограничивалось только теми, кто служил в полиции. Елена П. рассказывает, что, пока шел расстрел, ее семья пряталась дома:

Елена П.: [Дедушка] нас никуда не пустил. «Это – говорит – нельзя туда идти. Это кровь наша. Нельзя». Нас не пустил. Наши люди ходили по домам этим, еврейским. Наша семья чистая [то есть не принимала участие в разграблении. – А. В.].

Интервьюер: Это произошло, когда евреи находились в школе?

Елена П.: Тогда же, когда их завезли в школу, то они уже ходили по домам. А уже 2 августа, на второй день это было, Илья это мы называем [имеется в виду Ильин день. – А. В.], тогда уже их вели со школы, шли уже на бойню. [...] Дедушка наш сказал: «Никуда». И всё, дома сидели. Вот это беда. Вот мы и сидели. Наша семья никуда не вышла. Даже и иголки, ничего. Мы ничего не брали. А люди – вот такие были. Дома построили⁶⁰.

Наряду с немцами, отбиравшими у евреев ценности, местные жители забирали себе мебель, посуду и другое имущество, а также присваивали дома⁶¹. Если дед Елены П. категорически запретил ей даже думать о переезде в эти дома, то были и те, кто все-таки переехал. Афанасий Д. объясняет:

«Сначала кто-то пустовало все. То, что кому нужно было, так ломали, забирали. Вот так вот. [...] На зиму уже некоторые и поселились. У кого дом был, или далеко было от своей этой. Ну, уже которые лучшие дома, то позанимали были»⁶².

В ряде случаев эти переезды были вызваны необходимостью: многие местные жители потеряли свои дома в результате военных действий. Екатерина М. закончила свой рассказ о том, как у нее на глазах расстреляли соседа, словами:

«И застрелили еврея, а потом нас запалили, и сгорело все наше имущество. [...] Ночью. Сарай подожгли, сарай, и от сарая побрался дом. [...] Пять, пять хозяинов сгорело. Пять. [...] А потом мы убрались за мост, там у нас огород, или это канавка, и заселились в еврейский дом жить»⁶³.

Однако, как следует из комментария Афанасия Д., кто-то просто воспользовался случаем и переехал в более просторный дом. Нееврейские жители Мотоля стали, по существу, «вовлеченными субъектами» (Майкл Ротберг): они получили материальную выгоду от вреда, причиненного их соседям не-

60 «Яхад-ин Унум». Интервью № 216В с Еленой П.

61 «Яхад-ин Унум». Интервью № 208В с Андреем Р. Мотоль, Брестская область. 13 августа 2009 года.

62 «Яхад-ин Унум». Интервью № 206В с Афанасием Д.

63 «Яхад-ин Унум». Интервью № 210В с Екатериной М.

мецким оккупационным режимом, в то время как сами не имели никакого на него влияния⁶⁴.

Помимо присвоения жилой недвижимости и переезда горожан в чужие дома, следует говорить о том, что под воздействием убийств видоизменился сам городской ландшафт. Как вспоминает Андрей Р., тех, «кого расстреливали по одному или по двое, люди хоронили; сами местные»⁶⁵. А группа из шести человек, чье убийство наблюдала Екатерина М., похоронена прямо на месте: «Это вот как едете туда к магазину, это вот не там, где большой магазин, а сюда каменный магазин. Сзади. Заезжаешь во двор не от речки, а просто от улицы. Они там похоронены. Их никто не забирал. Никто не трогал, нет, так они там есть»⁶⁶. Сколько в Мотоле таких безымянных могил, не известно. О наличии таковых сообщили несколько человек из числа опрошенных, однако не представляется возможным отследить точное местоположение захоронений, поскольку в некоторых случаях речь может идти об одном и том же событии. Тем не менее ясно одно: могилы, ставшие следствием Холокоста, находятся буквально повсюду.

Отслеживать информацию о местоположении сложно вдвойне, поскольку планировка города изменилась – как в результате разрушений военного времени, так и вследствие послевоенной реконструкции. Во время операции «Припятские болота» сгорели не только частные дома (как дом Екатерины М.): в августе 1941-го немецкими войсками была разрушена *змина* – муниципальное административное здание. Во время крупнейшей карательной операции против партизанского движения в апреле 1944 года были сожжены дотла более 460 домов и убиты в общей сложности 30 местных жителей⁶⁷. Школа, куда были согнаны евреи, также была разрушена⁶⁸. После войны, рассказывает Устинья Д., «мы уже на еврейском месте поставили дом» (то есть предположительно там, где когда-то стоял еврейский дом)⁶⁹. А местный продуктовый магазин находится на том месте, где до войны жила еврейская семья⁷⁰.

Те немногие ассоциирующиеся с насилием места, которые можно четко идентифицировать и которые находятся у всех на

АНИКА ВАЛЬКЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

64 ROTNBERG M. *The Implicated Subject: Beyond Victims and Perpetrators*. Stanford: Stanford University Press, 2019. P. 1. В первую очередь исследование Ротберга посвящено последствиям исторического насилия и производным от него структурам неравенства и привилегий, но, что очень важно, в нем также рассматривается понятие вовлеченности применительно к подобным ситуациям лишения собственности с последующим ее присвоением.

65 «Яхад-ин Унум». Интервью № 208В с Андреем Р.

66 «Яхад-ин Унум». Интервью № 210В с Екатериной М.

67 МАРЗАН О., БАЮРОВ А., КОРСАК М. *Мотоль: история населенного пункта* // Молодой ученый. 2018. № 14(200). С. 244.

68 «Яхад-ин Унум». Интервью № 210В с Екатериной М.; «Яхад-ин Унум». Интервью № 216В с Еленой П.

69 «Яхад-ин Унум». Интервью № 205В с Устиньей Д. Мотоль, Брестская область. 13 августа 2009 года.

70 «Яхад-ин Унум». Интервью № 216В с Еленой П.

виду, – это места расстрелов с установленными на них памятными знаками. Один такой памятный знак в форме грубой гранитной плиты находится неподалеку от Осовницы. Мемориал был установлен в советское время; на еврейскую идентичность жертв ничто не указывает, а надпись на нем характерна для риторики той эпохи:

«Люди! Низко склоните головы перед прахом женщин и детей, мирных жителей деревни Мотоль, зверски убитых немецко-фашистскими захватчиками 2 августа 1941 года. Вечная память!»

Маленькая звезда Давида в правом верхнем углу, судя по всему, была добавлена позже⁷¹. Жертвы мужского пола здесь не упоминаются – умолчание, также типичное для мемориалов советской эпохи: господствующий нарратив не предполагал мужской виктимности. В 2013 году Комиссией по увековечению памяти жертв Холокоста в Республике Беларусь был воздвигнут мемориал у селения Гай – того самого, где были убиты еврейские женщины, дети и старики и мимо которого проходил Андрей К. по пути на пастбище⁷². Кроме этих скромных мемориалов, ничто больше не указывает на насилие, которое совершалось в этих местах. Могилы, находящиеся в черте города, известны лишь свидетелям. Андрей К. отмечает:

«Там хоздвор сенажный, силосные ямы были рядом возле тех мест, где это самое, где захоронения были. Но на тех захоронениях там, там нет ничего, там высоковольтная линия там тянется»⁷³.

Все вместе эти нарративы, вошедшие в состав тех семи интервью из Мотоля, которые мне довелось посмотреть, формируют отчет о событии с различных точек зрения, что в результате дает представление о сложной сети, сотканной из связанного с Холокостом опыта каждого из участников. Они формируют особую географию, в границах которой местное сообщество живет до сегодняшнего дня, – географию, где насилие, свидетельствование об этом насилии и невольная вовлеченность в него практически неразделимы.

Непосредственная близость убийств в 1941 году позволила Андрею К., Екатерине М. и многим другим видеть и слышать, как совершались акты насилия, в результате которых погибли 1400 еврейских жителей Мотоля. Несколько пунктов на местности навечно запечатлелись в памяти свидетелей как места расправ. В 2009 году Андрей К. четко и ясно сообщает то, что ему об этом известно с помощью слов и жестов. Показывая до-

71 См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гетто_в_Мотоле#/media/Файл:Ghetto_Motal_1a.jpg.

72 См.: www.belarusmemorials.com/мемориалы/бrestский-регион/мотоль-2-мемориала/мотоль/?lang=ru. Возможно, возведению мемориала способствовала работа «Яхад-ин Унум».

73 «Яхад-ин Унум». Интервью № 220В с Андреем К.

рогу, по которой вели на казнь еврейских женщин, и указывая направление, откуда велась стрельба, он тем самым означает место события для зрителя.

Благодаря телодвижениям, размечающим последовательность событий, а также местонахождение и взаиморасположение близлежащих захоронений, показания Андрея К. становятся перформативными. Голос и тело рассказчика напрямую связаны со свидетельством о совершенных убийствах, придавая ему большую правдивость⁷⁴. Рассказ о пространственных отношениях получает воплощение в жестах, позволяя тем самым отграничить места расстрелов; жесты делают эти места представимыми для тех, кто смотрит интервью или – в более широком смысле – видеосвидетельство. К тому же место, которое чертит на земле К., находится всего в пятистах метрах от рассказчика; оно, можно сказать, физически связано с местом интервью. Эти жесты лишний раз подчеркивают тот факт, что белорусы живут в «загрязненном ландшафте», который все они продолжают видеть и с которым продолжают регулярно взаимодействовать. Место дачи свидетельских показаний не что иное, как место травмы.

Такое совмещение мест травмы и мест свидетельствования о травме еще заметнее в тех интервью, которые включают в себя посещение собственно места убийства. Ни одно из интервью, записанных в Мотоле, не включало посещение объекта, но я хочу использовать пример из другого региона, чтобы продемонстрировать, как важно фокусировать внимание на пространственных параметрах свидетельствования о Холокосте в Беларуси.

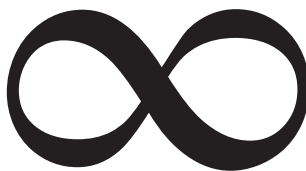
Свидетель Зинаида У.⁷⁵ ведет команду к месту расправы над евреями неподалеку от Освеи – городка, расположенного на севере Беларуси вблизи латвийской и литовской границ. Она не только рассказывает историю об этом месте (что произошло, какое значение она этому придала), но и, совершенно очевидно, рассказывает историю *посредством* этого места, выявляя значимые визуальные элементы и особенности ландшафта, которые присутствовали или отсутствовали там во время убийства. Она не только знакомит с этим местом аудиторию, указывая, где она сама находилась в момент убийства, – она также привлекает внимание к пространственным отношениям, сложившимся в результате массового убийства, которые, собственно, и позволяют сегодня «Яхад-ин Унум» документировать данное место событий: местное население не могло не

АНИКА ВАЛЬКЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

74 См.: FELMAN S. *Education and Crisis, or the Vicissitudes of Teaching* // FELMAN S., LAUB D. *Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History*. New York: Routledge, 1992. P. 5; POLLIN-GALAY H. *Op. cit.* P. 14; см. также: SNARE N. *Gesture in Shoah* // *Journal for Cultural Research*. 2015. Vol. 19. № 1. P. 30–42.

75 «Яхад-ин Унум». Интервью № 28В с Зинаидой У. Освея, Витебская область. 13 июля 2008 года.

видеть происходящего и, таким образом, стало прямым, хотя, возможно, и невольным, свидетелем насилия – факт, который сегодня позволяет людям об этом рассказывать. Как вспоминают Зинаида У. и Матрена М., евреев согнали в здание школы в центре Освеи. Спустя пять дней их застрелили и сбросили в яму в городском парке⁷⁶. Чрезвычайная государственная комиссия установила, что 2 февраля 1942 года здесь были убиты 650 евреев⁷⁷.

Свидетель отмечает, что окружающая природа может порой мешать припоминанию, и поясняет, какие кусты и деревья не росли там в 1942 году. Если бы на общей могиле не было никаких опознавательных знаков, а именно так обстоит дело во многих других случаях, и если бы она не рассказала о могиле интервьюерам, то никто бы так и не узнал об этом месте. О том, что место ей хорошо знакомо, говорит и то, что по дороге она собирает цветы, которые затем возлагает к памятнику, установленному здесь в 1960 году и реконструированному в 1989-м, когда была добавлена стела⁷⁸. Зинаида У. говорит, что ей «всегда приходится собирать цветы здесь, я не могу делать это где-то еще»⁷⁹. Обычай собирать цветы показывает, какими способами места совершения массовых убийств оказались вписаны сегодня в местный ландшафт – и вместо того, чтобы быть исключенными из локальных практик, напротив, стали их частью.

Иными словами, места, о которых рассказывают свидетели – Андрей К., Екатерина М., Зинаида У. и другие, – это «самые обычные места»⁸⁰. Люди знают или могут знать их, так как привыкли по ним ходить в прошлом и продолжают ходить в настоящем; они были и остаются частью повседневной жизни: пастбище, двор, местный парк. Места убийств – это такие места, которые не выделяются среди прочих именно потому, что они окружают нас – они никуда не исчезли.

Прослеживание топографии геноцида становится, таким образом, эффективным средством помещения такого экстраординарного события, каким был Холокост, в ординарный мир⁸¹. Оно напоминает нам, что геноцид был опытом, пережитым тогда и переживаемым еще и сегодня. Он имел место в мире, где жили и живут, постоянно воспроизводя его, свидетели геноцида – и те, кто пришел после. В то время как для «Яхад-ин Унум»

76 «Яхад-ин Унум». Интервью № 28В с Зинаидой У.; «Яхад-ин Унум». Интервью № 29В с Матреной А. Освея, Витебская область. 13 июля 2008 года.

77 Акт Освейской районной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 27.4.1945. С. 2.

78 Ботвинник М.Б. *Памятники геноцида евреев Беларуси*. Минск: Беларуская навука, 2000. С. 169.

79 «Яхад-ин Унум». Интервью № 28В с Зинаидой У.

80 POLLIN-GALAY H. *Op. cit.* P. 236.

81 CHARLESWORTH A. *The Topography of Genocide* // STONE D. (Ed.). *The Historiography of the Holocaust*. New York: Palgrave, 2004. P. 216.

и для исследователя места совершения убийств выделяются на общем фоне как места смерти, для местных жителей они являются местами как смерти, так и жизни – «повседневное и чудовищное»⁸² наслаиваются друг на друга, они сосуществуют. В собранных интервью они предстают как места памяти (*lieux de mémoire*), места, где, по выражению Пьера Нора, «память кристаллизуется и находит свое убежище»⁸³, где она «укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте»⁸⁴. Эти объекты стали идентифицируемыми *местами* только потому, что они ассоциируются с «истинной памятью» об опыте и за счет этого наделяются значением⁸⁵.

АНИКА ВАЛЬКЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

Прослеживание топографии геноцида становится эффективным средством помещения такого экстраординарного события, каким был Холокост, в ординарный мир. Оно напоминает, что геноцид был опытом, пережитым тогда и переживаемым еще и сегодня.

Эта память к тому же является необходимым условием деятельности «Яхад-ин Унум»: без живой памяти криминалистическая экспертиза, направленная на выявление мест убийств, была бы невозможна. Поэтому следует признать, что работа «Яхад-ин Унум» опирается на работу памяти, вот уже несколько десятилетий совершаемую обитателями этих мест. «Яхад-ин Унум» не создает память о месте; организация только документирует и собирает эту память. Смотреть на это иначе – значит, неправильно истолковывать собранные ею интервью, точно так же, как иногда неправильно истолковываются интервью с выжившими в Холокосте: как тот момент, когда создается память (о травме).

Анализируя работу «Яхад-ин Унум» в Беларуси, мы должны задаться вопросом: действительно ли места, где совершались убийства, были забыты и неизвестны? Как считает Кэролайн Стерди-Коллз, «во многих случаях, современное состояние того или иного места убийства является физическим проявлением того, как воспринимается и воспринимался Холокост»⁸⁶. Не так давно Аркадий Зельцер составил описание большого числа

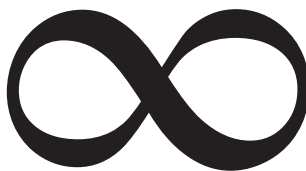
82 FLEMING K. *What Remains? Sites of Deportation in Contemporary European Daily Life: The Case of Drancy* // GIACCARIA P., MINCA C. (Eds.). *Hitler's Geographies: The Spatialities of the Third Reich*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. P. 359; см. также: POLLIN-GALAY H. *Op. cit.* P. 237.

83 NORA P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire* // *Representations*. 1989. № 26. P. 7.

84 *Ibid.* P. 9.

85 *Ibid.* P. 13.

86 STURDY COLLS C. *Op. cit.* P. 14.

таких памятников в Беларуси, продемонстрировав, что еврейские общины по всему Советскому Союзу установили значительно больше памятников жертвам Холокоста, чем мы долгое время предполагали⁸⁷. Есть, конечно, места, которые никак не обозначены, заросли или даже регулярно перепахиваются, в случае если они находятся посреди обрабатываемых полей. И все же местные жители определенного поколения обычно весьма охотно рассказывают исследователю, «где были расстреляны евреи», и даже в тех общинах, где бытует достаточно индифферентное, если не сказать наплевательское, отношение к находящейся в лесу еврейской братской могиле, люди признаются, что избегают «этого места» из страха⁸⁸. Весьма вероятно, что в основе этого страха лежит знание или память. Вообще говоря, история этих мест известна; чего нет, так это ритуализованных форм поминовения – таких, как установка памятников или коллективное посещение могил, приуроченное к годовщине событий. Иначе говоря, сохраняется напряженность между отсутствием институциональной памяти и (присутствующей) местной или народной памятью, которая не забыла об убийстве соседей-евреев⁸⁹.

В Беларуси народная память о войне не сводится к памяти об уничтожении евреев и еврейской культуры; скорее эта память сформирована насилием против гражданских лиц в более общем плане. Для большинства выживших в центре их опыта и памяти о Второй мировой войне находятся немцы – воруящие и отбирающие продукты питания, проводящие облавы на целые деревни для отправки на принудительные работы, сжигающие целые деревни вместе с жителями. Отголоски этой травмы слышны во многих интервью «Яхад-ин Унум», когда, описывая облавы и убийство евреев, рассказчики так или иначе упоминают о собственных страданиях. Некоторые открытые отчеты о поездках содержат записи, из которых следует, что есть определенное понимание необходимости комплексного учета опыта интервьюируемых в годы войны:

«В ходе полевых исследований команда Яхад собрала множество свидетельств о немецких карательных операциях, таких как акции возмездия с сожжением деревень, расстрелом партизан или связанных с ними семей. Это был еще один важный аспект данной командировки: принимать в расчет страдания самих белорусов»⁹⁰.

87 ZELTSEY A. *Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem, 2018.

88 WALKER A. *Split Memory: The Geography of Holocaust Memory and Amnesia in Belarus* // *Slavic Review*. 2018. Vol. 77. № 1. P. 190.

89 О двойственности памяти в постсоветских странах см.: ПРУСС И.В. *Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки* // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* / Ред. М. ГАБОВИЧ. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 210–221; КОРМИНА Ж. *Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах* // *Память о войне 60 лет спустя...* С. 222–240.

90 См.: www.yahadinunum.org/belarus-trip-14-july-10-25-2013/.

Однако в материалах, опубликованных на сайте, этим историям редко уделяется должное внимание, что наглядно демонстрирует интервью с Матреной М.:

АНИКА ВАЛЬКЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

Интервьюер: Вы видели казнь [евреев]?

Матрена М.: Нет. Нет. Но пулеметные очереди были слышны за три километра. Сначала они нас не трогали, но, когда началась война с партизанами, когда они начали нападать и на нас всех тоже, стрелять в нас. Сколько домов они подожгли! Вообще все.

Интервьюер: Когда они расстреливали евреев, сколько времени это заняло?

Матрена М.: Примерно до пяти [вечера]. [...]

Интервьюер: Сколько людей видели расстрел?

Матрена М.: Может быть, трое?

Интервьюер: Трое.

Матрена М.: Они дружили с евреями. Они хотели посмотреть, что с ними случилось. Говорят, они спрятались за деревом и все видели.

Интервьюер: А что потом произошло с домами евреев?

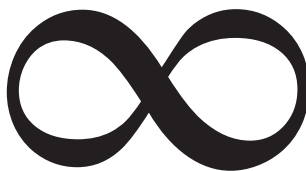
Матрена М.: Они стояли пустые. Когда они сожгли наши дома, они сожгли и эти тоже. В 1942 году они сожгли наш дом. О, это было так страшно! Ой!

Интервьюер: После расстрела остался ли в живых кто-то из евреев? [...]

Сосредоточенность организации на выявлении мест, где были убиты евреи, приводит к тому, что спонтанно прорывающаяся в беседах информация о том, какой кошмар пережили местные жители, оставляется без внимания. Эта неспособность признать травму интервьюируемого весьма проблематична, поскольку опыт говорящего рассматривается как нерелевантный.

Матрена М. и Зинаида У. живут в поселке Освея Верхнедвинского района – области, которая во время Второй мировой войны была главной мишенью антипартизанской войны. В ходе кампаний 1943-го и 1944 годов немецкий оккупационный режим, поддерживаемый местной полицией, СС и вспомогательной полицией, состоящей из коллаборационистов из другого региона, стремился создать так называемую «мертвую зону» – территорию, очищенную от людей, инфраструктуры, ресурсов и укрытий, которые в противном случае могли быть использованы растущим партизанским движением⁹¹. Многих местных жителей загнали в амбары или иные строения и подожгли, кого-то утопили в реке или близлежащем Освейском озере. В ходе операции «Winterzauber» («Зимнее волшебство») в феврале–марте 1943 года жертвами таких акций стали 3600 человек. Других местных жителей схватили во время облавы и тут же отправили на принудительные работы в Германию и страны-

91 GERLACH C. *Op. cit.* S. 910–911.

сателлиты или поместили в близлежащий концентрационный лагерь Саласпилс. Несколько сотен детей были разлучены со своими родителями, заключены в Саласпилс и использовались там в качестве доноров крови для немецких военных⁹². За время немецкой оккупации Освейщина, родина Матрены А. и Зинаиды У., в результате военных действий и террора потеряла около 4800 человек. Более 6100 человек были отправлены на принудительные работы. Довоенное население в 21 000 человек к концу войны сократилось до 8070⁹³. Вдобавок значительную часть района сровняли с землей: только зимой 1943 года были полностью сожжены 156 деревень, разрушены 3423 дома и целиком райцентр Освея, уничтожены более ста школ и шесть больниц⁹⁴. Верхнедвинский район, в который сегодня входит Освея, так и не оправился от разрушений и демографических потерь. При среднемесячном доходе в 663 белорусских рубля (316 долларов США на январь 2018 года), по сравнению со средним показателем по стране в 850 белорусских рублей (450 долларов США на тот же момент) он по-прежнему остается одним из беднейших в Беларуси.

Беседы с женщинами и посещение Зинаидой У. еврейской братской могилы происходили именно на данной территории, но ни в интервью, записанных в помещении, ни в видеокадрах с места событий этот опыт и эти долгосрочные последствия не находят никакого отражения. Глазами рассказчика и оператора мы смотрим на землю, которая хранит следы не только антиеврейского насилия, но и уничтожения жизней неевреев. У Освеи есть своя история, которую мы должны добавить к истории места в том виде, в каком оно реконструируется по инициативе «Яхад-ин Унум».

Еще одна ситуация, в которой выходит на поверхность эта более долгая и всеохватывающая история насилия и лишений, – сам момент интервьюирования людей у них дома. Интерьер этих домов раскрывает не только культурную специфику жизни в сельской Беларуси, он также показывает зрителю условия жизни и экономическое положение свидетелей. Кто-то из рес-

92 «Зимнее волшебство». *Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль–март 1943 г. Документы и материалы* / Ред. В.И. Адамушко и др. М.; Минск: Фонд «Историческая память»; 2013. Краткий обзор этих кампаний дается в: GERLACH С. *Op. cit.* Ch. 9; CHIARI В. *Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland 1941–1944*. Düsseldorf, 1998; см. также: Панизник С. *Освейская трагедия, 1943: документальная повесть*. Минск: Звезда, 2013.

93 *Акт Освейской районной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 27.4.1945*. С. 3.

94 *Акт штаба партизанской бригады им. М.В. Фрунзе Витебской области о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в Освейском районе с 16 февраля по 22 марта 1943 г. 30 марта 1943 г. Национальный архив Республики Беларусь*. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 52. Л. 24; опубликовано в: *Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944: документы и материалы* // Сост. Е. Гриневич и др. Минск: Национальный архив Республики Беларусь; М.: Фонд «Историческая память», 2017. С. 128–130; см. также: GERLACH С. *Op. cit.* S. 1013.

пондентов сидит на кровати, часто не застеленной; при этом свои, нередко травматичные, истории они рассказывают на фоне настенных ковриков с узорами или сценами охоты. Лекарства, лежащие на прикроватных столиках, и то, что рассказчики сидят на кровати, указывает на их слабое здоровье, неподвижность и старость, но также на ограниченность пространства в маленьких деревянных домах, где проживают интервьюируемые⁹⁵. Свидетель Матрена А.⁹⁶, видимо, сочла, что лучше будет разговаривать и сниматься, сидя за столом; панорамный снимок, сделанный в конце интервью, и фотография, опубликованная на сайте «Яхад-ин Унум», заставляют предположить, что по-другому съемочная группа просто не разместилась бы. Этот опыт знаком каждому, кто просто бывал или проводил исследования в сельской местности⁹⁷. Дом свидетеля Александры Б. такой же скромный и маленький. Занавеска позади нее заменяет межкомнатную стену⁹⁸. Во многих домах на одну семью в сельской Беларуси люди живут в одном большом пространстве, которое разделено скорее функционально, нежели физически, с выделенными секциями для приема пищи, приготовления еды, сидения и сна. Посещение домов в белорусской деревне – это встреча с нищетой, лишениями и экономическим кризисом. Сельские области не только больше всего пострадали после распада Советского Союза – они также вынесли основную тяжесть советских кампаний по коллективизации до и после Второй мировой войны и были сильно разрушены во время немецкой оккупации. Непосредственное окружение, на фоне которого проводятся интервью, обнажает тяготы жизни после войны и геноцида и ту роль, которую прошлое все еще играет в настоящем.

Когда интервьюируемые вкрапляют в свои рассказы воспоминания о собственных страданиях, хотя интервьюер их об этом не просит, они напоминают нам о самой природе свидетельствования, в которой на роль рассказчика «не могут претендовать институциональные и обезличенные дискурсы знания и власти» и которая обещает «явить своего рода воплощенную историю»⁹⁹. Таким образом, свидетельства дают избыток информации, который не укладывается в первоначальные рамки интервью, в данном случае – получение данных о местах убийства евреев. Местоположение интервью, безусловно, также способствует подобному «поток сознания» – ведь нарратив, которого ожидают от интервьюируемых, непосредственно связан с их местом жительства, с городом, население ко-

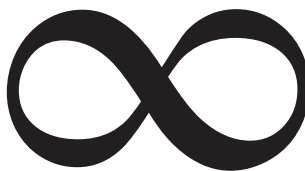
95 «Яхад-ин Унум». Интервью № 97В с Ядвигой В. Верхнедвинск, Витебская область. 24 июля 2008 года.

96 «Яхад-ин Унум». Интервью № 29В с Матреной А.

97 См. также фото: <https://yahadmap.org/#village/osveya-vitebsk-belarus.446>.

98 «Яхад-ин Унум». Интервью № 96В с Александрой Б. Верхнедвинск, Витебская область. 24 июля 2008 года.

99 SHENKER N. *Op. cit.* P. 4.

того пережило войну и геноцид своим, отличным от других, способом, а также с домом, построенным после войны – нередко на руинах разрушенных в ее ходе жилищ, как еврейских, так и нееврейских.

В Беларуси места Холокоста вписаны в более широкие пространственные рамки, а также в контекст уничтожения и перемещения. Иными словами, изучая – или пытаясь выявить – некое место, «Яхад-ин Унум» имеет дело со множественностью уровней опыта, и те, кто будет смотреть собранные видеосвидетельства, должны быть осведомлены об этом материальном и нематериальном наследии войны и геноцида, непосредственно влияющем на работу организации в Беларуси и не только.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Документируя места убийства жертв Холокоста в Беларуси и нередко иницируя создание мемориалов, проект выполняет важную задачу. Однако это еще не все. Интервьюирование свидетелей, многие из которых находятся в преклонном возрасте, помогает преобразовать «истинную память» сенсорных ощущений, как называет ее Нора, в память, которая может быть передана другим. В свете концепции Яна Ассмана деятельность «Яхад-ин Унум» позволяет осуществить переход от индивидуальной и коммуникативной памяти к памяти культурной, которая «экстериоризируется, объективируется и сохраняется в символических формах, [...] устойчивых и ситуационно-трансцендентных»¹⁰⁰. Иными словами, памятью о месте совершения убийства теперь поделились с другими, и она может передаваться дальше. Это особенно актуально, поскольку очень скоро места памяти останутся единственным напоминанием о совершенном преступлении. Многие из уцелевших евреев в послевоенные годы уехали, чтобы избежать постоянного соприкосновения с местами, ассоциирующимися с насилием, и с ландшафтом, напоминающим о геноциде¹⁰¹. Однако остались свидетели «Яхад-ин Унум», именно они и создали ту среду памяти, *milieux de mémoire*¹⁰², которая сегодня позволяет документировать места памяти о Холокосте в Беларуси. Эти места в свою очередь могут работать как места памяти лишь в соединении с историями о них – историями, которые после того, как исчезнут эти мнемонические сообщества, как раз и смогут быть предоставлены видеосвидетельствами.

100 ASSMANN J. *Communicative and Cultural Memory* // ERLI A., NÜNNING A. (Eds.). *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 110–111.

101 WALKE A. *Split Memory*... P. 179–180.

102 NORA P. *Op. cit.* P. 7.

Используя место как триггер памяти, «Яхад-ин Унум» способствует тому, чтобы та или иная локация или локаль проявили себя как источник воспоминаний. Через истории эти пространственные объекты вызывают к жизни прошлое и позволяют сделать бесценные записи. Через подобные практики реконструкции места «Яхад-ин Унум» создает свой особый архив: показания даются свидетелями, которые при иных обстоятельствах никогда не запечатлели бы своего рассказа на пленку. Другие коллекции – VNA, USHMM, «Fortunoff» – включают в себя в первую очередь интервью, проведенные в городских условиях или даже в студиях, а рассказчиками там выступают почти исключительно выжившие жертвы нацистских преследований. «Яхад-ин Унум» отдает же предпочтение рассказам очевидцев, проживающих в сельской местности, и, таким образом, предлагает новое видение осуществления нацистского геноцида на местах.

Из интервью с очевидцами мы также узнаем об их собственном опыте – они видели преступление добровольно или против своей воли, а нередко даже извлекали из него выгоду. Уже сам факт, что эти свидетели могут идентифицировать места убийств и описать связанные с ними события, подчеркивает, что Холокост осуществлялся на виду у публики и очень часто с помощью самой этой публики. В некоторых случаях интервью «Яхад-ин Унум» приобретают исповедальный характер, особенно интервью, проведенные лично отцом Патриком Дебуа, которые порой выливались в подробный рассказ о личном участии: интервьюируемые принимали момент свидетельствования за момент катарсиса или отпущения грехов¹⁰³. Одновременно мы должны помнить, что белорусский народ сам подвергся насилию, разграблению и перемещению. Собранные интервью служат суровым напоминанием о том, что в Беларуси роли свидетеля и соучастника, виктимность и преступность нередко совпадали или шли рука об руку. Динамика этих процессов и вопросы, связанные с вовлеченностью в преступление местного населения, вынужденной или добровольной, пока еще изучены недостаточно. О них в основном известно лишь из случайных свидетельств – как в упомянутых выше интервью. Последствия разрушения социальных связей и отношений внутри общин, потерявших в некоторых случаях до половины своей численности, когда было убито еврейское население этих бывших местечек, все еще недооценивается. Но рассказы очевидцев свидетельствуют, что пережитой опыт – смотреть, как убивают твоих соседей, – оставил глубокие шрамы на всей общине. Эти шрамы еще предстоит осознать и тщательно изучить.

103 SHNEER D. *Grief: The Biography of a Holocaust Photograph*. P. 196.

Иначе говоря, выбор категории места в качестве отправной точки для архивирования и анализа человеческого опыта объединяет в себе ряд вопросов, которые до сих пор зачастую изучались по отдельности – Холокост, антипартизанская война, коллаборационизм и так далее. Создание более полного нарратива о том, как осуществлялся геноцид, кем и с какими последствиями, позволило бы сформировать архив, структурированный по месту, но учитывающий также и другие принципы организации человеческого опыта – такие, как время, отношения с другими и свобода воли. Однако то сложное переплетение опыта различных свидетелей, какое мы видели в Мотоле и Освее, не могло бы быть почерпнуто и понято из архивных документов. Работая же со свидетельством, мы имеем возможность исследовать конкретные местные практики Холокоста. Эта работа побуждает нас также к выработке более комплексного видения Холокоста, которое учитывало бы не только разнообразие опыта, но и те способы, которыми конструируется память: через конкретный исторический опыт, столкновения с пространством в прошлом и настоящем, институционализованные формы коммеморации и соответствующую постановку исследовательских вопросов.

Выбор категории места в качестве отправной точки для архивирования и анализа человеческого опыта объединяет в себе ряд вопросов, которые до сих пор зачастую изучались по отдельности – Холокост, антипартизанская война, коллаборационизм.

Подход «Яхад-ин Унум» основан на новых, мобильных технологиях записи и отражает передовые техники документирования и сбора свидетельских показаний. Ученые и раньше выезжали на места исторических событий, опрашивали свидетелей и обследовали местность. Однако современные технологии позволяют еще и сохранять взятые интервью. В этих интервью вербальные и визуальные компоненты – повествование и демонстрация места – дополняют и обуславливают друг друга. Благодаря этому будущие ученые получат возможность выявлять пространственные отношения, позволившие свидетелям наблюдать события в прошлом и позволяющие нам конструировать память в настоящем. При просмотре видеосвидетельств – таких, как интервью «Яхад-ин Унум», – ученые и другие зрители получают шанс увидеть места совершения насилия глазами припоминающего события рассказчика. При этом они не могут не испытывать своего рода «эмфатическую

смятенность» (Доминик Ла Капра). Этим термином обозначается аффективное восприятие мест убийств, сочетающее в себе признание одновременно дистанции и близости как в истории, так и в памяти¹⁰⁴. Оказываясь лицом к лицу со следами злодеяний, сохранившимися в настоящем, зрители тем самым вовлекаются в конструирование нарратива о прошлом. Свидетельства основаны на знании места, которым обладает рассказчик. Но они также *творят* это место, делая его умопостижимым в качестве такового для тех, кто лично не являлся свидетелем организующей пространство практики убийств.

АНИКА ВАЛЬКЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВО С МЕСТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...

Перевод с английского Юлии Ткаченко, доцента РГГУ

104 LACAPRA D. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. P. 102.

